

МОСКОВСКИЙ СОБОР 1503 г.

В. И. ПЕТРУШКО

Статья посвящена одному из важнейших, но все еще недостаточно изученному событию церковной истории Московской Руси начала XVI в. — Собору, проходившему в Москве в 1503 г. Собор был созван с целью укрепления канонического порядка в Русской Церкви, однако более важной и острой проблемой, затронутой на Соборе, стала проблема монастырского землевладения. Дискуссию о церковных землях инспирировал великий князь Московский Иван III, стремившийся к изъятию земельных владений Церкви в пользу государства. Тем не менее большинство участников Собора выступило в защиту церковного землевладения. В статье предпринимается попытка на основе сохранившихся источников реконструировать картину соборной дискуссии по вопросу о церковных землях.

Одним из важнейших, но все еще недостаточно изученным событием церковной жизни Московской Руси начала XVI в. стал Собор, проходивший в Москве в 1503 г. Собор был созван с целью укрепления канонического порядка в Русской Церкви. Борьба с московско-новгородскими еретиками, так называемыми жидовствующими, дала возможность осознать наличие целого ряда негативных явлений в церковной жизни Московской Руси, которые нередко использовали еретики в полемике с православными. Решения Собора 1503 г. были призваны повысить духовно-нравственный уровень духовенства, монашествующих и мирян Русской Церкви, что нашло отражение в двух соборных грамотах, тексты которых сохранились до наших дней¹.

Заседания Собора проходили предположительно в августе — сентябре 1503 г.: летописи сообщают о Соборе крайне лаконично, без четкого указания на время его проведения. Соборное определение о невзимании ставленнических пошлин датировано 6 августа². Между тем известно, что спустя месяц Собор еще продолжал свою работу: 6 сентября 1503 г. его участники во главе с митрополитом Симоном совершили освящение нового собора в честь Чуда святого Архангела Михаила в Хонех в Чудовом монастыре в Московском Кремле³.

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук (ААЭ). Т. 1. СПб., 1836. № 382. С. 484–485; № 383. С. 485–487.

² Там же. № 382. С. 484–485.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1859. Т. 8. С. 243.

Собор 1503 г. был весьма представительным, в нем приняли участие: митрополит Московский и всея Руси Симон, архиепископ Новгородский и Псковский Геннадий, епископ Суздальский и Тарусский Нифонт, епископ Рязанский и Муромский Протасий, епископ Тверской и Кашинский Вассиан (князь Стригин-Оболенский), епископ Коломенский Никон, епископ Сарский и Подонский Трифон, епископ Велико-Пермский Никон⁴. На Собор также прибыли наиболее авторитетные представители русского монашества — преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, архимандриты и игумены многих монастырей, в том числе настоятель Троице-Сергиевой обители Серапион. На Соборе присутствовали великий князь Иван III, его сын, соправитель и наследник Василий Иванович, а также младший сын — удельный князь Дмитрий Иванович Угличский.

Собор 1503 г. принял важные постановления дисциплинарного порядка. Прежде всего было решено положить конец попыткам трактовать взимание ставленнических пошлин с кандидатов в священнослужители как симонию. Собор определил: «...отъ поставления святителемъ Архиепискуповъ и Епискуповъ, архимандритовъ и игуменовъ, и поповъ и диаконовъ, и отъ всего священническаго чину не имати ничего никому, ни поминковъ намъ не имати отъ ставления никому ничего»⁵. В случае нарушения данного соборного определения полагалось извергнуть из сана епископа, допустившего поставление в клир за мзду, а несправедливо совершенная хиротония признавалась недействительной⁶. Одновременно Собор напомнил о канонических возрастных нормах для клира: священником мог стать лишь достигший тридцатилетнего возраста, дьяконом — двадцатипятилетнего.

Поскольку критика православного духовенства со стороны «жидовствующих» содержала в себе и объективные моменты, связанные с недостойным поведением некоторых представителей духовенства, Собор 1503 г. был вынужден принять решения, направленные на ужесточение канонической дисциплины с целью не допустить проявлений безнравственности со стороны священнослужителей⁷. Прежде всего в очередной раз были приняты меры в отношении вдовых священников: вновь был подтвержден запрет на служение овдовевших клириков, кроме как при условии принятия ими монашества и ухода в монастырь. В случае если священник-вдовец не хотел принимать монашеский постриг, он мог продолжить свое служение в церкви лишь в качестве дьячка (пономаря) на клиросе, сохранив, правда, при этом право причащаться священническим чином в алтаре. Поскольку отрешенный от служения священник, причащаясь, надевал на себя епитрахиль — знак своего священнического сана, данная категория духовенства получила название «патрахельных попов». Тех же священнослужителей, которые вступали в канонически недопустимый повторный брак или

⁴ ААЭ. Т. 1. № 382. С. 484—485; № 383. С. 485—487.

⁵ ААЭ. Т. 1. № 382. С. 484—485.

⁶ Решение Собора 1503 г. о невзимании ставленнических пошлин в дальнейшем было отменено Стоглавым Собором в 1551 г., так как русские архиереи при гигантских размерах подчиненных им епархий несли значительные убытки в ходе поездок, предпринимаемых ими для поставления духовенства. Ставленнические пошлыны были призваны их компенсировать.

⁷ ААЭ. Т. 1. № 383. С. 485—487.

заводили сожительниц, Собор постановил лишать сана и всех прав, связанных с пребыванием в клире.

Стремясь повысить нравственный уровень духовенства, Собор 1503 г. также издал определение, направленное на борьбу с пьянством: священнослужителям запрещалось литургисать с похмелья, на второй день после того, как они напьются допьяна. Кроме того, Собор обратил внимание на такой факт, вызывавший смущение в пастве и критические нападки на монашество, как наличие так называемых «оптиных» (т. е. общих) монастырей, в которых общины монахов-мужчин и женские общины находились в одних стенах. Подобные монастыри возникали на Руси главным образом либо по причине стихийного появления монастырей при храмах, изначально являвшихся приходскими, либо в условиях, когда община из разоренного в период монгольского нашествия монастыря находила приют в другой обители. Дабы избежать возможного соблазна, Собор впредь воспретил совместное проживание монахов и монахинь в одном монастыре. Также было решено, что в женских монастырях обязанности священнослужителей должны исполнять исключительно представители белого духовенства, но не монашествующие.

Парадоксальным образом жертвой принятых Собором 1503 г. постановлений, направленных на укрепление канонической дисциплины в Русской Церкви, стал ее старейший и знаменитейший иерарх, сыгравший ключевую роль в борьбе с «жидовствующими», — архиепископ Новгородский и Псковский Геннадий (Гонзов). Первоначально Геннадий, вернувшись 12 ноября 1503 г. в Новгород из Москвы по окончании Собора, начал решительно исполнять соборные постановления. Летописец сообщает, что архиепископ «остави попы и диаконы вдовые от церкви»⁸. Но вскоре самого Геннадия обвинили в нарушении соборного определения о невзимании ставленнических пошлин, и в 1504 г. он по распоряжению великого князя Ивана III и митрополита Симона был отстранен от управления Новгородской епархией. Сохранился текст отреченной грамоты св. Геннадия, датированной 26 июня 1504 г. и адресованной на имя митрополита Симона⁹.

В Воскресенской и Никоновской летописях в качестве причин отставки Геннадия назывались его преклонные годы: «...оставил престоль свой за немощь»¹⁰. (архиепископу действительно было уже более 80 лет — по меркам XVI в. немислимо древний возраст). В своей отреченной грамоте св. Геннадий, обращаясь к митрополиту Симону, также говорит: «Своя ради, господине, немощи оставил есми свою архиепископию и степень своего святительства Великого Новаграда и Пскова»¹¹. В то же время летописи отметили другую, вероятно более существенную причину смещения святителя Геннадия с кафедры — то, что вопреки решениям Собора 1503 г., которые он сам только что подписал, по возвращении в Новгород архиерей «начят мзду имати у священников от ставления»¹². Не ис-

⁸ ПСРЛ. Л. 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 611.

⁹ ААЭ. Т. 1. № 384. С. 488.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 244; СПб., 1901. Т. 12. С. 258.

¹¹ ААЭ. Т. 1. № 384. С. 488.

¹² ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 244; СПб., 1901. Т. 12. С. 258.

ключено, что отставка святителя Геннадия с Новгородской кафедры могла быть связана и с его выступлением в защиту церковного землевладения на Соборе 1503 г., тем более что во время соборных прений по этому вопросу у святителя возникли резкие разногласия с великим князем Иваном III¹³.

Едва ли причиной того, что Геннадий нарушил соборный запрет на взимание пошлин с кандидатов в клир, было банальное стяжательство: Новгородский архиерей принадлежал к плеяде учеников одного из самых ярких представителей русского монашества — прп. Савватия Соловецкого. Геннадия трудно заподозрить в корыстолюбии и по причине престарелого возраста, когда следовало думать о скорой кончине, а не о накоплении материальных благ. Правда, летописи отмечают, что Геннадий якобы действовал по внушению своего любимца — дьяка Михаила Ивановича Алексеева¹⁴.

Между тем представляется, что подлинная причина неисполнения Геннадием соборного решения об отмене ставленнических пошлин крылась в другом. Новгородская епархия была в то время самой обширной в Русской Церкви, ее гигантская территория простиралась от Балтики до Белого моря, и архиерею было весьма затруднительно разъезжать по приходам и монастырям для надзора и поставления новых клириков, не компенсируя за их счет издержек архиепископской кафедры. В то же время Новгородская архиепископия понесла серьезный урон после того, как Иван III, покорив Новгород, секуляризовал значительную часть земельных владений Новгородских владык. В 1499 г. великий князь вновь осуществил масштабное изъятие церковных земель в Новгородской епархии и одновременно освободил ряд новгородских монастырей (в частности, Клопский, Коневский, Успенский, Волотовский) от подсудности архиепископу и уплаты налогов в архиерейскую казну. Ранее, в 1492 г., по приказу великого князя Ивана III из юрисдикции Новгородского архиепископа были изъяты в пользу Велико-Пермской епископской кафедры храмы в Вологде¹⁵. Кроме того, великий князь в 1490-е гг. возложил на Софийский дом третью часть гигантских расходов на строительство нового каменного кремля в Новгороде¹⁶. Разумеется, в таких условиях святителю Геннадию было сложно сразу подчиниться требованиям Собора 1503 г. и отказаться от практики взимания пошлин со ставленников в клир. После сведения с кафедры Геннадий вернулся в московский Чудов монастырь, где некогда был настоятелем. Вероятно, в предчувствии скорой кончины он принял здесь схиму с именем Галактион. Святитель скончался в Чудовской обители 4 декабря 1505 г.¹⁷

Еще одной исключительно важной и острой проблемой, которая была затронута на Московском Соборе 1503 г., стала проблема монастырского землевладения. Великий князь Иван III уже давно вынашивал планы ограничения

¹³ Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 351–364.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 244; СПб., 1901. Т. 12. С. 258.

¹⁵ Ромодановская В. А., Макарий (Веретенников), архим., Печников М. В., Я. Э. З. Геннадий (Гонзов) св., архиеп. Новгородский // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 588–598.

¹⁶ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. 4.1. Вып. 2. С. 459.

¹⁷ Ромодановская В. А., Макарий (Веретенников), архим., Печников М. В., Я. Э. З. Геннадий (Гонзов) св., архиеп. Новгородский... С. 588–598.

церковного землевладения и изъятия имений Церкви в пользу государства: ему необходимы были свободные земли, чтобы жаловать ими служилое дворянство, становившееся все более многочисленным классом и главной социальной опорой монарха, а также основой великокняжеского войска. Не исключено, что к секуляризационным проектам Ивана III могли иметь отношение посольский дьяк Федор Курицын и другие близкие к великому князю влиятельные московские еретики, что также могло способствовать сближению с ними государя. Не следует забывать, что к моменту проведения Собора 1503 г. «жидовствующие» еще не были окончательно осуждены (это произошло на Московском Соборе 1504 г.) и могли оказывать влияние на Ивана III, хотя их значение при дворе к тому времени заметно уменьшилось.

Земли великому князю катастрофически не хватало, в то время как Церковь к этому времени сосредоточила в своих руках огромный земельный фонд. Иван III, уже имевший к началу XVI в. опыт конфискации церковных имений в покоренном Новгороде, сделал первую попытку распространить его и на другие области Руси. Однако если секуляризация церковных владений в Новгороде воспринималась в большей степени в контексте мер, призванных смирить недавно присоединенный к Москве вольнолюбивый и непокорный город, то в центральных областях Руси покуситься на церковное землевладение было гораздо сложнее — для этого необходимо было изыскивать более сложные мотивы. Великий князь, очевидно, решил использовать в качестве повода для инициации кампании по изъятию церковных земель настроения части русского монашества, которая считала, что иноки могут обходиться и без владения землей.

Реконструировать подлинные обстоятельства дискуссии по вопросу о церковном землевладении в том виде, в каком она протекала на Соборе 1503 г., крайне затруднительно. Прежде всего, не сохранилось какого-либо специального соборного решения по вопросу о монастырских землях — скорее всего, его вообще никогда не существовало. Русские летописи также не содержат практически никаких сведений по данному «неудобному» вопросу. Не исключено, что воспоминание о земельном споре хотели вполне сознательно скрыть обе стороны — как церковная, так и светская. Русское духовенство, вероятно, было недовольно первым прецедентом покушения государства на имущественные права Церкви и вообще серьезным государственно-церковным конфликтом на этой почве — отсюда могло проистекать желание затушевать происшедшее на Соборе 1503 г. В свою очередь, государство, проигравшее в этом споре Церкви, могло также быть заинтересовано в сокрытии обстоятельств своего поражения.

Долгое время о дискуссии по земельному вопросу историки судили преимущественно по памятнику 1540–1550-х гг. — так называемому «Письму о нелюбках», которое отдавало инициативу спора о монастырских землях преподобному Нилу Сорскому. Этот подвижник якобы в конце соборных заседаний неожиданно для всех выступил с призывом к монашествующим отказаться от владения землями: «И егда совершися собор о вдовых попех и дияконех, и нача старец Нил глаголати, чтобы у манастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием, а с ним пустынники белозерские»¹⁸. То есть предло-

¹⁸ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 366–369.

жение Нила будто бы поддержали Белозерские старцы. С возражением против такого мнения выступил прп. Иосиф Волоцкий, аргументы которого убедили большинство участников Собора во главе с митрополитом Симоном (который, кстати, как ученик старца Паисия Ярославова также был причастен к Белозерской монашеской традиции), и они приняли в споре сторону Иосифа.

Между тем «Письмо о нелюбках», автором которого А. И. Алексеев считает Досифея (Топоркова)¹⁹, с одной стороны, содержит ряд очевидных фактических ошибок, а с другой — страдает не менее очевидной тенденциозностью и несет на себе отпечаток того противостояния между так называемыми «нестяжателями» и «иосифлянами», которое имело место в период значительно позднее Собора 1503 г. По этой причине ряд историков, изучавших данный вопрос, приходили к выводу, что на Соборе 1503 г. по сути никаких споров по поводу монастырского землевладения не было, и в реальности они начались намного позднее²⁰. Однако привлечение других источников позволяет думать, что дискуссия о церковных землях на Соборе все же действительно имела место, но, скорее всего, отнюдь не в той форме, которую рисует автор «Письма о нелюбках», несомненно, не являвшийся очевидцем описываемых им событий, но писавший с чужих слов, весьма произвольно им интерпретируемых.

Автор «Письма о нелюбках», написанного в Иосифо-Волоцком монастыре уже в середине XVI в., скорее всего по чьим-то весьма давним и смутным воспоминаниям, допускает в своем творении ряд существенных ошибок-анахронизмов. В частности, он сообщает об участии в Соборе учителя преподобного Нила Сорского и митрополита Симона — старца Паисия Ярославова, который на самом деле скончался за два года до описываемых событий, в конце 1501 г. А. А. Зимин отмечал, что приписываемые преподобному Иосифу Волоцкому аргументы в защиту монастырского землевладения изложены автором «Письма о нелюбках» таким образом, что это также вызывает сомнения в их достоверности: налицо их несовпадение с теми доводами в защиту церковных земель, которые сам Иосиф приводит в своих сочинениях²¹.

Наибольшие сомнения вызывает попытка приписать преподобному Иосифу Волоцкому такие якобы сказанные им на Соборе 1503 г. слова: «Аще у манастирей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцов, отколе взяти на митрополию или архиепископа или епископа и на всякие честныя власти? А коли не будет честных старцов и благородных, — ино вере будет поколебание»²². Налицо очевидное противоречие: как в Иосифовом Волоцком монастыре, так и среди иерархов Русской Церкви выходцы из знатных фамилий составляли меньшинство.

¹⁹ Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV–XVI вв. СПб., 2002. С. 264.

²⁰ Например, см.: Зимин А. А. Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 87–103 (Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 121); Моисеева Г. Н. Об идеологии «нестяжателей» // История СССР. 1961. № 2. С. 88–101.

²¹ Зимин А. А. Указ. соч.; *Он же*. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 205.

²² Послания Иосифа Волоцкого. С. 366–369.

Неменьшее недоверие вызывает и попытка автора «Письма о нелюбках» приписать прп. Нилу Сорскому категорическое стремление ввести в Русской Церкви исключительно собственную скитскую модель устройства монашеской жизни и поместить всех русских иноков в лишенных земельных владений скитах и пустынях. Во-первых, такая позиция прямо противоречит практике, которой придерживался сам преподобный Нил: он считал возможным принимать в свой скит лишь тех иноков, которые уже прошли начальный этап монашеской жизни в общежительных монастырях. Во-вторых, нигде в своих сочинениях Сорский старец не отрицал монастырского землевладения в целом — отсутствие земельных владений у скитов, предназначенных для ищущих наибольшего духовного совершенства монахов, отнюдь не означало, что землями не могут владеть общежительные обители, где начинали свой путь новоначальные иноки. Кстати, преподобный Кирилл Белозерский, к традиции которого восходит монашеская «генеалогия» самого Нила Сорского, считал вполне допустимым принимать земельные вклады в свою обитель: сохранилось 25 купчих грамот на приобретение земельных владений, оформленных преподобным Кириллом как игуменом Белозерского Успенского монастыря²³.

Распространенное в литературе, посвященной полемике между так называемыми нестяжателями и иосифлянами, мнение о том, что она началась с якобы имевшего место острого противостояния между преподобными Нилом и Иосифом на Соборе 1503 г., не подтверждается источниками. Напротив, имеются свидетельства о вполне дружественных контактах между преподобными и их учениками. Например, преподобный Нил Сорский в сотрудничестве с постриженником преподобного Иосифа Нилом (Полевым) лично переписал часть списка книги «Просветитель», который был передан в Иосифов Волоцкий монастырь при жизни самого Иосифа. Е. В. Романенко и Г. М. Прохоров вообще полагают, что в Ниловой Сорской пустыни был создан древнейший из всех известных на сегодня списков «Просветителя»²⁴. При этом сам Нил Сорский в послании к Гурию Тушину признавался, что не делал ничего, что было бы несогласно с его собственными убеждениями и что не имело бы подтверждения в «Божественных Писаниях»²⁵. В то же время «Устав» Нила Сорского сохранился в двух древнейших рукописях, составителями которых были Нил (Полев) и Дионисий (князь Звенигородский), ученики и постриженники Иосифа, некоторое время жившие в Кирилловом Белозерском монастыре²⁶. Не исключено, что Нил (Полев) получил свое монашеское имя при постриге от Иосифа Волоцкого не только в память о своем святом покровителе (скорее всего, прп. Ниле Синайском), но и в знак дружеского расположения Волоцкого игумена к Сорскому старцу.

²³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1958. Т. 2. № 2–7, 10–22, 311–314.

²⁴ Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 95–96; Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. подг. Г. М. Прохоров. СПб., 2005. С. 37.

²⁵ Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. подг. Г. М. Прохоров. СПб., 2005. С. 237.

²⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 205.

Очевидно, что «Письмо о нелюбках» отражает не столько реальные события, имевшие место на Соборе 1503 г., сколько является следствием попытки экстраполировать на них полемику между так называемыми нестяжателями и иосифлянами, имевшую место в более позднее время. В результате Нил Сорский предстает в этом сочинении не выразителем собственных взглядов, а отображает приписанные ему убеждения, которые скорее следует связать с именем князя-инока Вассиана (Патрикеева) и его единомышленников. Показательно, что сам автор «Письма о нелюбках» признавал, что «Иосиф все благочинье и благоговейнство снимал с Кирилова монастыря»²⁷. А его слова: «...и се ныне диявол мнением не смирну вражду положи меж таких светил», судя по обстоятельству времени «ныне», относятся отнюдь не к самим преподобным Иосифу и Нилу, а к их позднейшим последователям, искажившим их убеждения и превратившим их в основание для противостояния и вражды.

В то же время помимо «Письма о нелюбках» сохранились и другие источники, сообщающие о прении по вопросу о церковных землях на Соборе 1503 г., и они явно противоречат той версии событий, которая излагается автором «Письма». О дискуссии по поводу монастырских «сел» также сообщают «Соборный ответ 1503 г.»²⁸ (две речи митрополичьего дьяка Леваша Коншина, которые он должен был произнести перед великим князем Иваном III от имени митрополита Симона; Плигузов, однако, считал этот текст позднейшей компиляцией²⁹), Житие преподобного Иосифа Волоцкого, написанное Львом Филологом в 1540-е гг.³⁰, «Слово иное» (датируемое 1506–1508 гг.)³¹ и запись о Соборе 1503 г., сделанная князем-иноком Вассианом (Патрикеевым)³². Конечно, ни один из этих памятников по многим причинам не может быть признан беспристрастным и достоверным описанием полемики о монастырском землевладении. В то же время их сопоставление между собой и с «Письмом о нелюбках» позволяет выявить некоторые факты, способные хоть в какой-то мере пролить дополнительный свет на события, происходившие на Соборе 1503 г. Особенно значимыми являются сведения, которые содержатся в «Слове ином» — источнике, наиболее близком по времени к описываемым в нем событиям и поэтому в наибольшей степени заслуживающем доверия.

Важный вывод можно сделать на основании записи о Соборе 1503 г. Вассиана (Патрикеева), где говорится: «О еже како в второе лето князь великий Иван Васильевич вся Руси повелел быти на Москве святителем и Нилу и Осифу, попов ради, иже держаху наложницы, паче же рещи — восхоте отъимати у святых церквей и монастырей»³³. Следовательно, если верить этому сообщению, то инициатором обсуждения вопроса о монастырских «селах» на Соборе следует

²⁷ Послания Иосифа Волоцкого. С. 366–369.

²⁸ Там же. С. 322–329.

²⁹ Плигузов А. И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 330–386.

³⁰ ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 37–39.

³¹ Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 351–364.

³² Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 279.

³³ Там же.

признать отнюдь не Нила Сорского, а самого великого князя Ивана III — наиболее заинтересованную в секуляризации церковных земель сторону.

Таким образом, можно предположить, что преподобный Нил Сорский на Соборе не призывал к изъятию монастырских земель, но лишь рассказал о практикуемом им и его учениками скитском образе монашеского подвижничества, не сопряженном с землевладением. Скорее всего, это было сделано Нилом по просьбе (точнее по приказу) Ивана III, который намеревался абсолютизировать опыт Нила в масштабах всей Русской Церкви, дабы таким образом получить возможность секуляризовать не только монастырские, но и вообще все церковные земли.

Показательно, что и сам Вассиан (Патрикеев) в своем отрицании монастырского землевладения не заходил столь далеко, как хотелось бы Ивану III. Вассиан полагал, что отобранные у иноков «села» следует передать не великому князю, а специальным церковным экономам, которые и будут выделять получаемые с имений доходы на содержание Русской Церкви и осуществление ее деятельности в самых различных сферах: «...земли дръжати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церьковное богатство ведати иконому и давати от него, со епископля доклада, и с всего его священнаго собору попов его, причетником церковным всем комуждо что на потребу, тако же и нищим и убогим, и плененных окупати и всяким в убожестве живущим помогати»³⁴.

Важно, что свидетельство Вассиана (Патрикеева) о том, что инициатива лишения Русской Церкви принадлежавших ей земельных владений исходила от великого князя Ивана III, подтверждает и «Слово иное». Этот источник также отмечает, что Московский государь намеревался, изъяз церковные земли, вместо этого выделять на содержание монастырей средства из своей казны: «В та же времяна восхоте князь великий Иван Васильевич у митрополита и у всех владык и у всех манастырей села поимати и вся к своим соединити. Митрополита же и владык и всех манастырей из своая казны деньгами издоволити и хлебом изоброчити из своих житниц»³⁵.

Не менее существенно, что «Слово иное» не содержит никаких свидетельств о якобы бывшем на Соборе 1503 г. прении между преподобными Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, что может служить еще одним подтверждением того, что в реальности никакого соборного спора между обоими подвижниками не было.

«Слово иное» важно также и тем, что, сообщая о соборных прениях по вопросу о церковных «селах», оно вообще ничего не говорит об участии в них преподобного Иосифа Волоцкого. Это вполне соотносится с данными Жития преподобного Иосифа, составленного Львом Филологом, которое, хотя и приписывает Нилу Сорскому инициативу спора о «селах» (очевидно, к середине XVI в. это ошибочное мнение уже успело утвердиться), тем не менее сообщает, что Волоцкий игумен, покинувший было Москву в конце работы Собора 1503 г. и уехавший в свой монастырь, был вынужден вернуться в столицу, чтобы аргументированно возразить против мнения о необходимости лишить монастыри земельных владений. Между тем «Слово иное» сообщает о тех лицах, которые

³⁴ Казакова. Указ. соч. С. 279.

³⁵ Бегунов. «Слово иное»... С. 351–364.

успели высказаться по вопросу о «селах» до возвращения на Собор Иосифа Волоцкого. С возражением против инициативы великого князя изъять церковные земли выступили митрополит Московский и всея Руси Симон, архиепископ Новгородский Геннадий и игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион (будущий архиепископ Новгородский и Псковский), которых поддержало множество других представителей духовенства и монашества Русской Церкви.

Когда митрополит Симон, решительно возразивший великому князю по поводу его замысла, упрекнул архиепископа Геннадия Новгородского в том, что тот молчит на Соборе и не выступает по поводу сказанного государем, тот ответил: «...азъ бо ограблен уже прежде сего». Тем не менее святитель Геннадий вскоре также стал выступать против намерения великого князя и «нача глаголати противу великому князю о церковных землях». Это вызвало у Ивана III взрыв ярости, и он «многим лаянием уста ему загради»³⁶.

Справедливости ради следует отметить, что святой Геннадий не только стал вместе со своей Новгородской епархией первой жертвой покушения великого князя Ивана III на церковные земли, но и первым выступил против этой тенденции. В книжном кружке, который работал при святом Геннадии в Новгороде, уже в последние годы XV в. было создано «Събрание от Божественнаго писания от Ветхаго и Новаго на лихоимцев» («Слово кратко противу тех, иже в вещи священные... соборные Церкви вступаются»)³⁷. Этот труд был написан на латыни по заказу архиепископа Геннадия доминиканским монахом Вениамином, а затем переведен на древнерусский язык³⁸. Не исключено, что именно данным обстоятельством и была в наибольшей степени вызвана вспышка ярости со стороны великого князя против святителя Геннадия на Соборе 1503 г., а затем и сведение архиепископа с Новгородской кафедры.

Согласно сообщению «Слова иного», мнение, что монахам не следует владеть «селами», поддержали только преподобный Нил Сорский и «Денис Каменский» (т.е. монах Дионисий из Спасо-Каменного монастыря), а также ряд видных мирян, включая будущего великого князя Василия III. Однако данный источник не сообщает, в какой именно форме преподобный Нил высказал свою точку зрения и насколько она совпадала с программой секуляризации, которую вынашивал Иван III.

Судя по тексту «Слова иного», великий князь более всего ополчился на Троице-Сергиеву обитель, земельные владения которой действительно были немалыми. Поэтому неудивительно, что наибольший отпор Иван III получил именно от Троицкой братии во главе с игуменом Серапионом. По призыву своего настоятеля Троицкие старцы прибыли в Москву, неся с собой документы, подтверждающие права Троице-Сергиева монастыря на земли, которыми он владеет. В ту же ночь, когда монахи выступили из обители в Москву, великого князя, как сообщает «Слово иное», разбил удар: у него были парализованы

³⁶ Бегунов. «Слово иное»... С. 351–364.

³⁷ Опубликовано: Попов А. Н. Библиографические материалы. М., 1901. Вып. 21.

³⁸ Седельников А. Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 30. С. 205–225; Он же. Очерки католического влияния в Новгороде в кон. XV — нач. XVI в. // Доклады АН СССР. Сер. В. Л., 1929. № 1. С. 16–19.

рука, нога и глаз — очевидно, у Ивана III случился инсульт. Вероятно, сам великий князь счел это вразумлением свыше. Не случайно «Соборный ответ 1503 г.» приводит слова, которые якобы от лица митрополита Симона Ивану III зачитал дьяк Леваш Коншин, содержащие предупреждение о том, что все преступившие давние установления русских князей о земельных пожалованиях Церкви «да будут прокляты в сей век и в будущий», ибо «стяжания церковная — божия суть стяжания, возложена и нареченна и дана Богу и не продаема, ни отдаема, ни емлема никим никогда ж в веки века и нерушима быти, соблюдатися, яко освященно Господеву и благоприятно и похвально»³⁹. В конечном счете государь не только отказался от своего намерения изъять у Церкви земли, но и попросил прощения у Троицкой братии, направив в монастырь богатую милостыню.

Таким образом, Ивану III, который, безусловно, должен быть признан инициатором соборного обсуждения темы церковных земель, так и не удалось добиться их изъятия в свою пользу. Духовенство Русской Церкви решительно и слаженно воспротивилось этим притязаниям, а власть великого князя хотя и усилилась к этому времени безмерно, но все еще не настолько, чтобы монарх мог проигнорировать позицию Церкви. Встретив энергичный отпор со стороны русского духовенства и монашества, Московский государь был вынужден отступить.

Ключевые слова: Русская Церковь, Великое княжество Московское, Московская митрополия, Московский Собор 1503 г., церковное землевладение, великий князь Иван III, митрополит Симон, преподобный Иосиф Волоцкий, преподобный Нил Сорский.

THE MOSCOW SYNOD OF THE 1503

V. PETRUSHKO

The article is devoted to one of the main, but still insufficiently studied events of church history of the Moscow state in the beginning of the 16th century — to the Moscow Synod of the 1503. The Synod was called for the strengthening of the canonic discipline in the Russian Church. However, the more important and sensitive issue, which was discussed at the council, was a problem of monastic land tenure. The discussion about the Church lands was inspired by the grand duke of Moscow Ivan III, aspiring to withdrawal of land possession of Church. Nevertheless, most of participants of the Synod has spoken out in defense of Church land tenure. The article attempts on the basis of the surviving sources to reconstruct a picture of synodal discussion on Church lands.

³⁹ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 326.

Keywords: Russian Church, Grand Duchy of Moscow, Metropoly of Moscow, the Moscow Synod of 1503, Church land tenure, grand duke Ivan III, Metropolitan Simon, St Joseph of Volokolamsk, St. Neil of Sora.

Список литературы

1. *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV–XVI вв. СПб., 2002.
2. *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 351–364.
3. *Зимин А. А.* Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 87–103.
4. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
5. *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
6. *Моисеева Г. Н.* Об идеологии «нестяжателей» // История СССР. 1961. № 2. С. 88–101.
7. *Плигузов А. И.* Poleмика в Русской Церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
8. Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005.
9. *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.
10. *Седельников А. Д.* К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 30. С. 205–225.
11. *Седельников А. Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в кон. XV — нач. XVI в. // Доклады АН СССР. Сер. В. Л., 1929. № 1. С. 16–19.